

Посвящаю моей маме, Мириам Рут Кристи, которая всю жизнь была феминисткой, несмотря на строгие традиции своего поколения. Она не могла похвастаться кулинарным мастерством, часто кормила нас консервами, но неплохо готовила цыпленка по-королевски. Я по нему скучаю, хоть и не так сильно, как скучаю по маме.

Посвящаю всем женщинам, жившим до меня; благодарю их за то, что они осветили мне путь. И благодарю тех, кто пришел после, — особенно тебя, Эддисон Мэй.

Искусство — трудное дело, но искусство
быть женой труднее всех других.

— Бланш Эббут

«Чего не должны делать жены» (1913)

1

Ты, кажется, забываешь, что я человек женатый, а главная прелесть брака заключается в том, что он вынуждает обоих супругов постоянно друг друга обманывать¹.

— Оскар Уайльд

«Портрет Дориана Грея» (1890)

Сажать цветы было совсем не время, но у нее не было выбора. Муж не понимал важности этого дела и никогда не интересовался садом. Он не ценил его красоту и посему в то утро был слегка зол на нее. Ворчал: лучше бы она занялась вместо этого *более важными* делами, а дел было великое множество, поскольку они переехали сюда всего неделю назад. Да, верно — сад мог подождать, в эти зимние месяцы в нем мало что менялось, луковицы терпеливо ждали дождей и весеннего тепла. Вот только именно это растение с его обилием цветков-колокольчиков не отличалось терпением. Кроме того, это был подарок, и его сопровождали настоятельные инструкции, так что у нее не было иного выбора, как посадить его. Не откладывая. Сегодня.

Она чувствовала себя в своей стихии, когда возилась в земле, что-то напевала и разговаривала

¹ Перевод Валерия Чухно.

Карла Браун

с листьями. Вот почему она полюбила этот дом с первого взгляда. Клумбы в саду уже были подготовлены, и она предвкушала, как они наполнятся роскошными цветами. Сам дом со множеством комнат казался ей безликим и огромным, ведь в нем поселились лишь двое — она и муж. Молодожены. И у них впереди было много времени, чтобы наполнить его детьми и теплом, создать домашний уют.

Мурлыча любимую мелодию, она натянула садовые перчатки и выкопала лопатой большую круглую ямку. Положила в нее растение, осторожно придерживая пальцами, чтобы не раздавить аметистовые цветки. Присыпала корни землей и убедилась, что стебель стоит ровно. Впереди было еще много работы, но она легла на мягкую траву, подложила под голову руки и посмотрела на голубое небо, разбавленное легкими облачками. Воодушевленная и готовая ко всему.

2

Мужчины любят чистоту в доме, но если жена будет ради этого суетиться и переворачивать все вверх дном, рано или поздно муж сбежит.

— Уильям Дж. Робинсон
«Семейная жизнь и счастье» (1922)

Элис

.....

5 МАЯ 2018 ГОДА

Когда Элис Хейл в первый раз увидела этот дом — такой огромный, но ужасно запущенный, — она еще не знала, *что* переживет в нем. Первая мысль была — ну и Гаргантюа среди домов! Они с мужем жили до этого в квартирке в нью-йоркском Марри-Хилл, которая была чуть больше обувной коробки, проходили боком мимо кровати и упирались коленками в дверь ванной, когда сидели на унитазе. А этот дом представлял собой прямоугольник из симметрично лежащих кирпичей, на окнах ставни, красная дверь в каменной арке; с двери слезала краска, словно кожа, если перележать на солнце. Поначалу Элис не хотелось входить в ту дверь. *Добро пожаловать в Гринвилл, Нейт и Элис!* — она будто слышала, как дом шептал это сквозь щель

почтового ящика, похожую на рот, не слишком приветливым тоном. *В таких местах, как это, погибают молодые и успешные городские жители.*

В пригороде было приятно и мило, и все же — это не Манхэттен. От Гринвилла несколько минут езды на автомобиле до более известного и более эксклюзивного Скарсдейла, а до Нью-Йорка меньше часа на поезде, и все-таки это был абсолютно другой мир. Широкие лужайки. Заборчики из штакетника, разумеется, в основном белые. Такие чистые тротуары, что хоть ешь с них. Никакого шума от транспорта, такая тишина, что Элис стало не по себе. У нее дергался левый глаз, скорее всего из-за бессонной ночи. В темноте она мерила шагами их крошечную квартирку, переживая, что все это — дом, Гринвилл и прочее — обернется ужасной ошибкой. Но среди ночи всегда все представляется мрачным и безнадежным; наутро сомнения и бессонница уже казались ей глупыми. Это был первый дом, который они смотрели, а ведь никто и никогда не останавливается на первом же варианте.

Нейт взял ее за руку и повел по тротуару, чтобы взглянуть на дом с другой стороны.

— Приятный, правда?

Она сжала его пальцы и улыбнулась, надеясь, что он не заметит, как у нее дергался глаз.

Глядя на фасад дома — на глубокие трещины в цементной дорожке, серый, подгнивший штакетник, — Элис поняла, почему дом продавался по такой скромной цене, хотя все равно подрывал их бюджет. Особенно теперь, когда они жили на один платежный чек, из-за Элис, и у нее до их пор ныло под ложеч-

кой от чувства вины, когда она думала об этом. Дом отчаянно требовал внимания. Возни с ним будет предостаточно. А ведь они еще даже не зашли внутрь. Она вздохнула, коснувшись кончиками пальцев своего века. *Все хорошо. Все будет хорошо.*

— Все-таки он стоит кучу денег, — сказала она. — Ты уверен, что мы можем себе это позволить? — Сама она росла без всяких излишеств, а иногда даже и без самого необходимого, и ее пугала мысль об ипотеке.

— Можем, обещаю тебе, — успокоил Нейт. У него был математический склад ума, и он умел распоряжаться деньгами, но она все еще сомневалась. — У него действительно крепкий костяк, — добавил он, а Элис взглянула на мужа и удивилась, как по-разному они оценивают ситуацию. — Неужели тебе не нравится его солидный вид? — *Солидный.* Для Нейта это было невероятно важно.

— Как думаешь, риелтор дала нам правильный адрес? — Когда Элис слегка наклоняла набок голову, ей казалось, будто дом кренится вправо. Может, они просто ошиблись адресом, и где-то поблизости стоит тот самый дом, который они приехали смотреть, и он выглядит благополучнее, чем его одичалый кузен. Или не поблизости. Может, риелтор имела в виду «Гринвич», а не «Гринвилл», а Нейт просто невнимательно прочел ее сообщение.

Элис хмуро рассматривала лужайку перед домом, запущенную, заросшую травой, и прикидывала, сколько может стоит газонокосилка. Впрочем, на фоне общего запустения цветы, росшие возле изгороди, ярко-розовые, словно сделанные из множества слоев папиросной бумаги, радовали глаз. Она подхватила пальцами один

цветок и наклонилась к нему, вдыхая его душистый аромат.

— Сто семьдесят три. — Нейт поднял глаза от телефона и еще раз взглянул на латунную табличку с номером дома. — Да, тот самый адрес.

— Имитация колониального стиля, — пояснила накануне вечером риелтор Беверли Диксон; Нейт и Элис слушали ее по громкой связи. — Построен в сороковых, у него есть несколько изъянов, зато много роскошных элементов декора. Вот подождите — скоро вы увидите каменную арку и классический облик. Этот дом долго не продержится на рынке, говорю я вам. Тем более по такой цене. — Нейт восхищался как ребенок, а Беверли продолжала расхваливать старый особняк. Элис знала, что муж задыхался в их крошечной квартире с шокирующе высокой арендной платой и малым количеством окон.

С самого начала их знакомства Нейт хотел уехать из города. Он мечтал о дворе, где он будет играть в мяч со своими детьми, так же как с ним играл его отец. О том, чтобы летним утром его будили пение птиц и стрекот цикад, а не грузовики, развозящие посылки. Он хотел купить дом и отремонтировать его под себя. Он вырос в пригороде Коннектикута с родителями — причем мать была домохозяйкой — и двумя братьями, такими же успешными, как и он. Поэтому будущая семейная жизнь представлялась ему в наивном, розовом свете.

А вот Элис любила их уютную квартирку. Домовладелец устранял проблемы с неисправными кранами, регулярно делал косметический ремонт, а когда прошлой весной у них накрылся холодильник, поставил

новый. Ей хотелось и дальше жить в десяти кварталах от Бронвин Мёрфи, лучшей подруги. Элис иногда сбегала к ней — отдохнуть от жизни в обувной коробке. Нейт был, надо сказать, аккуратнее Элис и больше заботился о том, чтобы все лежало на своих местах, но и у него были мелкие недостатки. Он пил сок прямо из коробки. Брал золотой пинцет Элис, безумно дорогой, между прочим, чтобы выдернуть у себя из носа волосок. Он ждал, что жизнь даст ему все, чего он хочет, только потому, что он попросил об этом.

Элис напомнила себе, что обещала Нейту ничего не скрывать от него, и подумала, что надо все-таки сдерживать слово. Не говоря уже о том, что если они переедут в Гринвилл, ей придется винить в этом только себя.

За несколько минут до условленного времени подъехал «лексус», и из него выпрыгнула Беверли Диксон. Схватив с пассажирского сиденья папку и сумочку, она осторожно захлопнула дверцу, и этот жест будто сказал Элис: эта тачка совсем новая. Беверли закрыла дверцу брелоком — дважды, — а Элис огляделась по сторонам. Поблизости никого не было, кроме женщины, толкавшей прогулочную коляску, и пожилого джентльмена, обрезавшего куст. Элис вспомнились слова Беверли про людей, живущих на этой улице: «Там люди порядочные, и можно даже не запираеть дверь!»

Беверли подошла на трехдюймовых каблуках и закрыла промежуток между Элис и Нейтом своим круглым, как воздушный шар, телом в бежевой юбке и жакетом в цвет. Ее улыбка была широкой и теплой. Она протянула руку еще до того, как подошла к ним; на ней звякали тяжелые золотые браслеты. Элис заметила на ее переднем зубе след от розовой помады.